

НЕПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КЛЮЧЕВЫХ ИДЕЙ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»

Михальчук Наталья Александровна
старший преподаватель кафедры общего и славянского
языкознания учреждения образования «Могилевский
государственный университет имени А.А. Кулешова»
(г. Могилев, Беларусь)

В статье на примере романа В. Набокова «Приглашение на казнь» рассматривается одна из функций непрямой коммуникации в художественном тексте – ее способность выступать в качестве средства выражения ключевых идей произведения.

Наблюдения над лексико-стилистической стороной дискурса Цинцинната в романе В. Набокова «Приглашение на казнь» позволяют выделить, по меньшей мере, три ключевых слова-темы, в зависимости от частоты их употребления и разворачивания вокруг них в тексте крупных семантико-тематических групп лексики. Это – **Душа**, **Мир горний** и **Мир дольний**. Слова-темы мы определяем, пользуясь термином Ю.Н. Караулова, как «идеологемы», понимаемые лингвистом как «семантико-тематическое обозначение духовных ценностей действующих лиц» [1, с. 82].

По частоте употребления и степени реализации в виде семантико-тематических групп на первом месте стоит идеологема ДУША: *«производя диковинное впечатление одинокого препятствия в мире прозрачных друг для дружки душ»; «будь твоя душа хоть слегка с твоей поволокой»; «вместо мерного подготавливания души к минуте утреннего вставания»; «не затеваю со своей душой жаркой возни в темной комнате»; «так расправляется моя душа в родимой области»; «проникающих душу сквозняков» и др.*

Показательно, что идеологема ТЕЛО в дискурсе Цинцинната звучит более ослабленно, она представлена такими словами, тематически развивающими идею, как *изгиб позвоночника, икры, голова, ключицы, грудная клетка, бедра, ноги, руки* и т.д. Значим имплицитно выраженный мотив стремления героя сбросить телесное и остаться только в пределах своей души.

Другие ключевые темы для дискурса Цинцинната – Мир дольний и горний, они вступают в отношения противопоставления. Группа метафорических обозначений темы МИР ДОЛЬНИЙ: *«на том темно-сизом небе, под которым живут и умирают лицедеи»; «страшный, полосатый мир, порядочный образец кустарного искусства»; «тесно дышать прахом нарисованной жизни»; «наша хваленая явь, которая, в свой черед, есть полусон, дурная дремота»*. Группа метафорических обозначений темы МИР ГОРНИЙ: *«в снах моих мир был облагорожен, обухотворен», «сонный мир», «сонный, выпуклый, синий, он медленно обращается ко мне»; «там – неподражаемой разумностью светится человеческий взгляд; там на воле гуляют умученные тут чудаки»*.

Главные коллизии романа-антиутопии обусловлены столкновением различных пониманий персонажами духовных ценностей, резким противопоставлением их духовно-нравственных и философских концепций в рамках дискурсов. Так, в дискурсе месье Пьера идеологема ТЕЛО является исключительно частотной, в то время как ДУША не представлена.

Непрямые смыслы в романе, включенные в интериоризованную речь главного героя, в рамках коммуникации «автор – читатель» представлены своего рода **«метафорическими намеками»**. Такие «намекы читателю» группируются вокруг ключевых идеологем романа и их формируют. Под намеком И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер понимают такой способ косвенного информирования, «когда говорящий не может или не хочет выразить передаваемую информацию буквально» [2, с. 464].

Метафоры-намекы, реализующие оппозицию горнего и дольного миров в романе-антиутопии, группируются вокруг соответствующих идеологем. Остановимся подробно на функционировании в тексте данных не прямых единиц коммуникации.

Оппозиция «мир дольний – мир горний» реализуется в романе посредством стратегии **намек-метафоры**.

Коммуникативная цель-1 адресанта-автора – изображение дольного мира – «ирреальности» – достигается посредством

осуществления стратегии намека-метафоры и ряда речевых тактик. Актуализация в произведении различных частных целеустановок, подчиненных этой общей коммуникативной цели, создает смысловые единицы текста, которые являются объектом нашего рассмотрения.

Стратегия метафорического намека реализуется с помощью следующих коммуникативных тактик:

1) тактика театрализации, ср.:

«На дворе разыгралась – просто, но со вкусом поставленная – летняя гроза». «И почему у вас макинтош мокрый, а башмачки сухие, – ведь это небрежность. Передайте бутафору».

2) тактика «реальности-декорации», ср.:

«Вы обратите внимание, когда выйдете, – сказал Цинциннат, – на часы в коридоре. Это – пустой циферблат, но зато каждые полчаса сторож смыкает старую стрелку и малюет новую, – вот так и живешь по крашеному времени».

3) тактика трансформации реальности в сон, ср.:

«К тому же я давно свыкся с мыслью, что называемое снами есть полудействительность, обещание действительности, ее преддверие и дуновение, то есть что они содержат в себе, в очень смутном, разбавленном состоянии, – больше истинной действительности, чем наша хваленая явь, которая, в свой черед, есть полусон, дурная дремота, куда извне проникают, странно, дико изменяясь, звуки и образы действительного мира, текущего за периферией сознания, – как бывает, что во сне слышишь лукавую, грозную повесть, потому что шуршит ветка по стеклу, или видишь себя проваливающимся в снег, потому что сползает одеяло. Но как я боюсь проснуться!»

4) тактика «реальности-изображения», ср.:

«Реставрируя замазанную копотью ночи картину, он видел, как по-старому распределяются роции, тропинки, ручьи...»

5) тактика «игрушечной действительности», ср.:

«На миг вырвись, и пойми, что меня убивают, что мы окружены куклами, и что ты кукла сама».

Коммуникативная цель-2 адресанта-автора – изображение горного мира (воображение, мечта, но и подлинная реальность у В. Набокова) реализуется также стратегией намека-метафоры и рядом речевых тактик. В качестве средств непрямого характеристики горного мира выступают образные смыслы, воспринимаемые адресатом-читателем на основе его эмоционального опыта и позволяющие постичь в той мере, насколько позволяют его интерпретаторские возможности, духовный мир набоковского героя и картину идеальной действительности, созданную воображением персонажа.

1) Тактика метафорической характеристики реальности, ср.:

«Он есть, мой сонный мир, его не может не быть, ибо должен же существовать образец, если существует корявая копия. Сонный, выпуклый, синий, он медленно обращается ко мне. Это как будто в пасмурный день валяешься на спине с закрытыми глазами, – и вдруг трогается темнота под веками, понемножку переходит в томную улыбку, а там и в горячее ощущение счастья и знаешь: это выплыло из-за облаков солнце. Вот с такого ощущения начинается мой мир»;

2) тактика характеристики людей, населяющих реальность, ср.:

«Их голоса, поступь, выражение глаз и даже выражение одежды – приобретали волнующую значительность». «В снах моих мир был облагорожен, одухотворен; люди, которых я наяву так боялся, появлялись там в трепетном преломлении, словно пропитанные и окруженные той игрой воздуха, которая в зной дает жизнь самим очертаниям предметов». «Там – неподражаемой разумностью светится человеческий взгляд; там на воле гуляют умученные тут чудаки»;

3) тактика портрета персонажа, ср.:

«При этом все в нем дышало тонко, сонной, – но в сущности необыкновенно сильной, горячей и своеобразной жизнью: голубые, как самое голубое, пульсировали жилки, чистая, хрустальная слюна увлажняла губы, трепетала кожа на щеках, на лбу, окаймленном растворенным светом...».

Ключевая метафора произведения – «непроницаемость», за которую осужден Цинциннат, включенная в интериоризованную речь и в диалоги, в одной из своих интерпретаций может быть истолкована как намек на извечное кредо тоталитаризма «быть, как все». Сложность и многоплановость проблематики романа-антиутопии обуславливают и многозначность входящих в него единиц

непрямой коммуникации: данный намек можно трактовать также как неразгаданность творческой личности окружающими, извечное ее одиночество: *«Окружающие понимали друг друга с полуслова, – ибо не было у них таких слов, которые бы кончались как-нибудь неожиданно, на ижицу, что ли, обращаясь в праху или птицу, с удивительными последствиями».*

Метафора-намек «непроницаемости» героя связана с доминирующей идеологией ДУШИ в его дискурсе и отсутствием ее, а также частотностью противоположной темы – ТЕЛО в дискурсах других героев. Поэтому Цинциннат, ДУШОЙ наделенный, для прочих персонажей, ориентированных на физиологические проявления личности, предстает «непроницаемым», «одиноким темным препятствием».

Примечательно, что в дискурсе ни одного другого персонажа, кроме Цинцинната не отмечено несобственно-прямой речи, что квалифицирует их как героев с полным отсутствием внутренней духовной жизни и косвенно задает идею неодоушевленности или неподлинности.

Список использованной литературы

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: URSS Либроком, 2014. – 261 с.
2. Кобозева, И. М. Об одном способе косвенного информирования / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Изв. АН СССР, Сер. Литературы и языка. – 1988. – Т. 47. – № 5. – С. 462 – 472.
3. Набоков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Набоков. – М., 1990. Т. 4 : Приглашение на казнь, Другие берега, Весна в Фиальте. – 476 с.